

Н. П. ПУХОВ

10996

ИСПЫТАНИИ

SHOUT
SHARE **IT**

- Николай Пухов

- Предисловие

- 1941 год

- 1942 год

- 1943 год

- 1944 год

- 1945 год

Николай Пухов

ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
Н. П. П У Х О В

Годы ИСПЫТАНИЙ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1959

Предисловие

Автор настоящей книги — генерал-полковник И. П. Пухов является одним из заслуженных боевых командиров Советских Вооруженных Сил. Вся его сознательная жизнь прошла в рядах Советской Армии.

В 1918 году он добровольно вступил в красногвардейский отряд и до конца гражданской войны сражался с врагами революции, защищая молодую Советскую республику от иностранных интервентов и белогвардейцев.

В годы Великой Отечественной войны незаурядные организаторские способности и большие военные знания выдвинули Николая Павловича Пухова в ряды крупных военачальников. В минувшей войне он прошел трудный, но славный путь от командира дивизии до командующего армией, испытав на этом пути и горечь неудач и радость победы.

Будучи командующим армией на Брянском, Центральном и 1-м Украинском фронтах, Н. П. Пухов показал себя талантливым организатором боевых операций.

В послевоенный период Н. П. Пухов командовал войсками Одесского, Северо-Кавказского, Западно-Сибирского и Сибирского военных округов. Боевой и заслуженный генерал, он отдавал все свои знания и опыт делу укрепления боеспособности Вооруженных Сил СССР.

Правительство высоко оценило заслуги Н. П. Пухова, присвоив ему звание Героя Советского Союза и наградив четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова I степени, двумя орденами Кутузова I степени, орденом Богдана Хмельницкого I степени и многими медалями.

За сорок с лишним лет службы в армии Николай Павлович Пухов не только приобрел богатый боевой опыт, но и глубоко познал все стороны жизни и быта военной службы, научился хорошо понимать душу солдата.

Приступая к написанию книги, Н. П. Пухов хотел поделиться в ней своими впечатлениями об отдельных событиях Великой Отечественной войны, активным участником которых он был, рассказать о внутреннем содержании простых советских людей, одетых в солдатские шинели, об их любви к Родине, об их доблести и героизме.

Автор предполагал также дать развернутое описание хода отдельных боев и целых операций, проведенных армией, которой командовал.

Однако смерть помешала осуществить задуманное.

Книга «Годы испытаний» представляет собой лишь предварительные наброски, первые фрагменты произведения широкого плана. Но и в таком виде она, несомненно, интересна.

Ценность воспоминаний Н. П. Пухова заключается, на наш взгляд, в том, что в них собраны факты, по которым вдумчивый читатель может судить, как Советская Армия в целом и ее бойцы и командиры в отдельности, несмотря на неблагоприятные подчас условия, особенно в начале войны, приобретали боевой опыт и мастерство, как героическими усилиями советского народа в тылу наши войска были обеспечены всем необходимым для борьбы с иноземными завоевателями, какое огромное значение для победоносного исхода этой борьбы имело руководство нашей родной Коммунистической партии.

С искренней теплотой и сердечностью автор рассказывает о советских солдатах, об их мужестве, стойкости и героизме, отмечает их смекалку, выдержку, беззаветную преданность социалистической Родине и безграничную веру в мудрость Коммунистической партии.

В книге отражено также большое значение партийно-политической работы в боевых условиях, показано, как она влияла на поддержание в войсках высокого морального духа.

Есть здесь и очень любопытные детали, рисующие суровый фронтовой быт.

Несмотря на отдельные отрывочные описания событий, как будто бы и мало связанные между собой, книга «Годы испытаний» читается легко и с большим интересом.

Генерал армии Г. К. Маландин

1941 год

1941

Г О Д

Над Родиной разразилась буря. Фашистские полчища внезапно набросились на страну. Началась Великая Отечественная война...

В августе 1941 года я прибыл в Золотоношу в качестве командира дивизии.

Дивизия была сформирована из остатков понесшего большие потери моторизованного соединения и только что призванных запасников. Она входила в состав армии, которой командовал сначала генерал Фекленко, а затем генерал Цыганов.

В начале сентября нас перебросили в район Кременчуга. Здесь противник значительными силами форсировал Днепр и продвигался на восток. Наши части поспешно выгружались на станции Козельщина и с ходу вступали в бой.

Пришлось мне на своем веку встретиться с немцами второй

раз.

По первой встрече в годы мировой войны 1914–1918 годов я помнил спесивого германского солдата, затянутого в мундир, в кованых сапогах, в тяжелом шлеме с большим орлом. А сейчас увидел суетливых вояк с засученными рукавами, в брюках навыпуск, со свастикой на груди.

Но за этой разницей во внешнем виде скрывалось одно и то же — разбойничье стремление угнетать другие народы.

Особенно бросались в глаза у гитлеровцев засученные рукава: как будто шли на короткий кулачный бой, успех которого считали несомненным.

Под натиском врага с боями отходили мы от рубежа к рубежу, серые от пыли, с нечеловеческой усталостью и горьким солдатским стыдом. Позади оставались поля с неубранным хлебом, города с не остывшими еще трубами фабрик и заводов, уютные украинские селения, потонувшие в садах, и самое главное — не успевшие уйти советские люди.

Тяжело было смотреть на все это. Горечь и ярость сжимали сердце. Хотелось мстить врагу, который нарушил нашу мирную жизнь, мстить за сожженные города и села, за смерть советских людей, за слезы детей и женщин.

Теснимые врагом, наши части героически дрались за каждую пядь земли. Навсегда запомнилась мне одинокая фигура офицера за пулеметом на краю подсолнечного поля. Рука перевязана, бинт пропитался кровью.

Я подошел к нему и спросил, какую он выполняет задачу, почему один и почему не идет на медицинский пункт.

— Товарищ генерал! — ответил этот пожилой уже человек, вероятно призванный из запаса. — Моему взводу приказано прикрывать отход дивизии. Взвод попал под сильный минометный огонь. Все мои товарищи погибли. Но я пока цел и буду здесь до конца. Можете не сомневаться, сделаю все, чтобы выполнить поставленную нам задачу.

Я оставил в помощь офицеру трех солдат, и мы двинулись дальше. А позже узнал, что он был вторично ранен и что его подобрала наша группа, отходившая последней.

У этого пришедшего из запаса офицера еще не хватало умения воевать, но беспредельная преданность Родине и жгучая ненависть к врагу делали его несокрушимым. Таких людей можно было привести в замешательство лишь на короткое время. Мирные труженики довоенного времени, они быстро становились бесстрашными воинами, стойко переносили все трудности сорок первого года.

Дивизия отступала.

Но, отходя от рубежа к рубежу, каждый из нас твердо верил, что скоро мы вернемся в оставленные города и села. Мы знали, что за армией стоит весь советский народ, вся страна с ее мощной социалистической экономикой, созданной под руководством Коммунистической партии. Для нас было совершенно бесспорно, что никакая сила не в состоянии начисто уничтожить плоды созидательного труда советских людей.

На фронте солдаты с жадностью ловили вести о той гигантской работе, которая проводилась в тылу страны. Нам было известно, что заводы и фабрики, оказавшиеся под ударами врага, эвакуируют на восток и перестраивают на военный лад, что советская промышленность расширяет и увеличивает производство нужных фронту материалов. И у каждого росла уверенность в том, что армия скоро получит все необходимое для отпора фашистским захватчикам.

Тяжело было отступать. Но необстрелянным еще солдатам и офицерам помогали своим примером бывалые воины. Молодежь с волнением слушала рассказы участников гражданской войны о том, как в невероятно трудных условиях Красная Армия героически сражалась против полчищ белогвардейцев и интервентов, отстаивая завоевания Октября. Солдаты-ветераны учили молодых, как лучше обжиться в суровой военной обстановке.

Помню такой случай. Несколько молодых солдат стали жаловаться на то, что им приходится носить поношенную обувь. Тогда поседевший уже старшина задал им вопрос, знают ли они, что значит слово «Чевколап».

Никто из молодых солдат, конечно, не знал.

И все заулыбались, когда старшина рассказал им, что во время гражданской войны на одном из фронтов так называлась организация, ведавшая снабжением частей Красной Армии лаптями.

Постоянные бои с превосходившим нас в танках и авиации врагом постепенно закаляли дивизию. Изо дня в день накапливался боевой опыт.

Однако для борьбы с танками требовалось не только противотанковое оружие. Необходимо было ликвидировать танкобоязнь, особенно у прибывавшего пополнения. С этой целью в дивизии начали применять «обкатку». Командиры сажали бойцов в вырытые сплошные траншеи, и через траншеи, над людьми, проходили танки. Если танков не было, использовали тракторы. Это помогало войскам избавиться от танкобоязни.

В построении обороны очень скоро пришлось отказаться от

«ячейковых» окопов и перейти к траншейной системе. Так подсказывал накапливавшийся боевой опыт. Еще позднее траншейную систему стали сочетать с опорными пунктами.

Наша оборона на промежуточных рубежах становилась все крепче и крепче. К обычным уставным приемам и способам присоединялась солдатская изобретательность.

Западнее Купянска мы нанесли сильный удар по наступавшей немецкой дивизии. У противника были большие потери в живой силе. Мы захватили около ста пятидесяти пленных, двенадцать орудий и обоз с офицерскими вещами. Позже такие трофеи казались пустяками, а в то время и они имели значение для боевого сплочения дивизии.

В этом бою и у нас имелись убитые и раненые. Во время атаки погиб тогда замечательный командир батальона товарищ Александров. Это был смелый офицер. Солдаты его любили. И несмотря на смертельную опасность, они вынесли с поля боя тело отважного командира.

На траурном митинге во время похорон павших в бою солдаты и командиры гневно говорили о злодеяниях фашистских захватчиков, клялись отомстить врагу.

В тот трудный военный год большую часть боев наша дивизия провела на территории Полтавской и Харьковской областей. Тяжело было оставлять эти цветущие области Украины. Особенно близок моему сердцу был Харьков, где я служил перед войной.

За два — три дня до того, как нам пришлось оставить его, я выезжал со своего боевого участка в город для согласования действий дивизии со штабом одного из центральных районов обороны. Неизгладимое впечатление произвели на меня притаившиеся, ожидавшие большой беды городские улицы. Кругом было много горя.

На несколько минут я успел заскочить на квартиру, где жила моя семья. Дома никого не оказалось, однако все вещи лежали на своих местах. Я понял, что жена со своей старой матерью только что эвакуировались, ничего не взяв с собой. Позже мне с трудом удалось разыскать их в Ташкенте.

Вечером 23 декабря неожиданно получил от начальника штаба армии телеграмму с приказом немедленно выехать, имея при себе личные вещи, в Воронеж, в штаб главнокомандующего юго-западным направлением.

Вместе с дивизией я воевал уже около четырех месяцев, и она стала для меня родной. Расставаться с боевыми товарищами было нелегко.

Когда уезжал, проводить меня собрались старшие

командиры. Я с опасением спросил их:

— Как же это вы, друзья, а вдруг немец пойдет в атаку?

— Ну, теперь мы его не боимся, — ответили мне, — прошло то время.

Позже эта дивизия стала гвардейской.

Вручение наград солдатам, отличившимся в боях.

По пути в Воронеж проезжал станцию Лиски.

Поезд стоял там долго. Я смотрел на изменившийся облик станции и вспоминал далекий восемнадцатый год.

Здесь, в Лисках, в феврале 1918 года я вступил в красноармейский отряд. Здесь началась моя служба в Красной Армии.

С русско-германского фронта я вернулся домой в конце января 1918 года. Приехал к матери, которая в то время учительствовала в глухой деревеньке Калужской губернии, и оказался в семье лишним ртом — с хлебом тогда было трудно. Попробовал помогать матери в школе, но после перенесенной цинги так ослаб, что ничего не смог делать. К тому же давало знать о себе отравление газами на фронте в августе семнадцатого года.

Но все-таки нужно было как-то доставать хлеб.

Мой земляк, не раз уже ездивший в «хлебные» районы страны, предложил мне отправиться с ним «за компанию». Несколько дней мытарствовали в теплушках поездов и наконец добрались до станции Лиски. В то время эта узловая станция была центром борьбы с контрреволюцией на юге.

В Лисках все бурлило. Разгружались многочисленные эшелоны, маршировали отряды красноармейцев, слышались песни. В тупиках стояли вагоны с наименованием различных формирований и штабов. На некоторых вагонах с красными звездами были просто написаны фамилии командиров отрядов.

Тут же шныряли мешочники.

Кипучая жизнь прифронтовой станции ошеломила меня. Медленно бродил я среди штабных вагонов и с любопытством читал сделанные на них надписи. На одном прочел: «Штаб отрядов по борьбе с белобандитами». А рядом красовался плакат: «Мешочники — дезорганизаторы снабжения страны хлебом».

Я знал, что лучшие люди России сейчас сражаются с врагами молодой Советской республики, отстаивая завоевания Октября. Душой я был с ними и в то же время оказался в числе «мешочников».

Стало стыдно за себя и, подхлестываемый этим чувством, я вошел в вагон штаба. В дверях столкнулся с человеком, который назвался командиром отряда. Я сказал ему, что хочу служить в Красной Армии, попросил принять в отряд. Мое заявление командир выслушал доброжелательно и приказал тут же все оформить.

Так я стал красноармейцем.

Борьба оврагами революции была нелегкой. Вскоре я уже принимал участие в боях с белогвардейцами под Павловском, Бобровом, Богучаром, хутором Медвежьим.

...Многое мне напомнила станция Лиски. И когда поезд тронулся, я долго стоял у окна вагона, не замечая мелькавших за окном полей, не слыша стука колес, — мысли унесли в прошлое.

Но вот паровозный свисток вернул к действительности — приближался Воронеж.

На следующий день меня приняли Маршал С. К. Тимошенко и член Военного совета Н. С. Хрущев. Я получил назначение на должность командующего 13-й армией Брянского фронта. Это было в конце декабря.

Заканчивался тяжелый сорок первый год.

В руках гитлеровцев оказались самые хлебородные земли страны, целые районы хорошо развитой, передовой индустрии. Многие миллионы советских людей томились под пятой фашистских оккупантов. А враг продолжал угрожать захватом новых территорий, новыми разрушениями.

1942 год

1942

Г О Д

Зима в тот год стояла морозная, снежная. С трудом я добрался до штаба фронта, располагавшегося в Ельце. Представился командующему фронтом. Он рассказал мне о положении дел в 13-й армии.

Не задерживаясь, я выехал в Ливны, где находился армейский штаб.

От Ельца до Ливны — километров сто двадцать. Это был путь недавнего мощного наступления советских войск.

Повсюду вдоль дороги виднелись разбитые немецкие танки, артиллерийские орудия, автомашины. Среди брошенной врагом боевой техники встречалось много исправных машин. Значит, противник отступал поспешно, неорганизованно.

Как я потом узнал, здесь были разгромлены 45-я и 134-я пехотные дивизии Гитлера.

Глядя на это безмолвное свидетельство нашего успеха, я как

бы читал боевую историю 13-й армии, знакомился с ее первыми грозными наступательными действиями. Здесь, на этом клочке земли, нашли отзвук общие удары по врагу под Ростовом-на-Дону и под Москвой, похоронившие миф о непобедимости фашистских войск.

Мне предстояло служить в армии, уже испытавшей свое превосходство над врагом. Здесь я должен был применить в большем масштабе опыт войны, накопленный за время командования дивизией.

С этими мыслями въехал в Ливны. Город был очень разрушен. Вокруг него дважды бушевали сражения...

13-я армия занимала тогда один из важных участков обороны. Позже, летом 1942 года, именно сюда враг нанес сильный удар, чтобы с севера обеспечить себе выход к Волге.

Днем и ночью наши войска окапывались, вставляя в землю.

Передний край обороны прикрывали различные инженерные заграждения — спирали, рогатки, ряды колючей проволоки. Широко применялось и минирование местности. Мины сослужили нам хорошую службу. На участке одной из дивизий на них подорвался почти весь батальон противника, атаковавший наши позиции.

К весне на фронт широким потоком хлынуло из глубины страны различное вооружение и боеприпасы.

Это означало, что наш тыл окончательно оправился от потрясений первых месяцев войны, что эвакуированные заводы стали работать на новых местах на полную мощность.

Тем временем противник, очевидно, отбросил мысль о скором возобновлении своего неудавшегося наступления. Фашисты также стали возводить оборонительные сооружения и поначалу вели себя очень нагло: производили работы среди белого дня, не заботясь о маскировке. Для метких выстрелов оказывалось много целей.

Постепенно из отличных стрелков выросли снайперы. Снайперское движение становилось у нас массовым. Большую роль в этом сыграли организованные по распоряжению нового командующего фронтом генерала Ф. И. Голикова фронтовые курсы снайперов.

Разносторонняя политическая работа в войсках была подчинена одной цели — истреблению врага. Командиры и политработники в личных беседах и через печать разъясняли солдатам великую миссию Советской Армии в Отечественной войне, показывали наше моральное и экономическое превосходство над озверевшим врагом и неизбежность его поражения.

Большой популярностью пользовались на фронте полковые митинги. С особым удовольствием вспоминаются выступления на таких митингах рядовых солдат.

Молодые солдаты обычно выступали с некоторой запальчивостью, а те, что постарше, говорили деловито, не торопясь, с расстановкой, образным русским языком.

Искреннее слово всегда волнует, берет за душу. Такие митинги зажигали массы, повышали их боевую активность, еще больше укрепляли уверенность в победе.

Особенно памятны яркие, волнующие выступления на наших митингах Д. З. Мануильского. Он умел по-большевистски просто и понятно разъяснить самые жгучие, волновавшие тогда всех вопросы, особенно связанные с отсутствием второго фронта.

Все знали, как легко и быстро нынешние союзники организовали во время гражданской войны интервенцию против молодой Советской республики. И солдаты недоумевали, почему же теперь они тянут с открытием второго фронта.

После выступлений товарища Мануильского солдатам все становилось ясно.

Дмитрий Захарович Мануильский, будучи у нас в армии, жил со мной в одной хате и доставил мне много приятных минут своими интересными беседами. С ним часто приезжал поэт Иосиф Уткин и читал нам свои талантливые стихи.

В 13-й армии были представлены почти все национальности Советского Союза. Русский и казах, белорус и грузин, украинец и татарин — все они с честью защищали от лютого врага любимую Родину. В их сердцах горела одинаковая ненависть к гитлеровским захватчикам.

Большую роль в боевом сплочении подразделений сыграли участники гражданской и первой мировой войн, ставшие незаменимыми «дядьками» молодых воинов. Бывалые солдаты отличались замечательной русской смекалкой и боевым мастерством. Многие из них выдвинулись потом на командные должности.

Помню, в саперном батальоне одного соединения я встретился с солдатом Барановым. Ему было лет за пятьдесят. Он рассказал, что, несмотря на возраст, добровольно вступил в армию в районе Ельца: не мог спокойно сидеть дома, когда иноземные завоеватели стали топтать родную землю.

В царской армии Баранов служил фейерверкером, а после революции сражался против белогвардейцев в рядах Красной Армии до конца гражданской войны.

— Жена меня срамила, — признался он, — не хотела пускать на фронт. Все ворчала: «Куда тебе, старому, на войну, иди лучше

корову убирать». Но я все-таки пошел...

За добросовестную службу я разрешил Баранову поехать на десять дней в отпуск к семье, которая жила недалеко от фронта. Это было перед июньским наступлением противника.

В конце второго дня сражения, 29 июня, я находился возле штаба в деревне Успенское. Вижу, прямо ко мне идет Баранов. Подошел солдат и говорит:

— Здравствуй, товарищ генерал. Знаю, что тебе некогда, да и мне надо торопиться. Вот от жены гостинец — две лепешки на кислом молоке и пять штук яиц. До свидания. Желаю успеха.

Как потом выяснилось, Баранов накануне услышал канонаду, понял, что враг перешел в наступление, немедленно прервал свой отпуск и поспешил в часть. Беспокоился, не нахожусь ли я в затруднительном положении из-за того, что отпустил его на побывку в такой горячий момент. Потому и зашел прямо ко мне, передал подарок от жены и, не задерживаясь, ушел с пониманием своего солдатского долга. Ничего лишнего не сказал: «Тебе некогда, да и мне надо торопиться...»

Таков наш советский солдат. Выполнение воинского долга для него превыше всего. Он бесстрашно, не колеблясь, идет на самые опасные дела. Героизм у него — это норма поведения.

Н. П. Пухов беседует с бывалым солдатом — участником трех войн.

В жестоких сражениях Великой Отечественной войны, как в дни отступления, так и в период стремительных наступательных

боев, замечательную боевую школу прошли и советские офицеры. Многие наши командиры показывали примеры того, как надо по-суворовски маневрировать на поле боя и меньшими силами побеждать численно превосходящего противника. Их смелость и отвага сочетались с практическими знаниями военного дела.

В бою бывают всякие неожиданности. И советские офицеры умели спокойно встретить их, трезво и здраво оценить сложившуюся обстановку, принять правильное решение, вовремя поставить задачу подчиненным, сказать солдатам доброе слово, личным примером воодушевить людей.

Но один раз мне пришлось молчаливо оправдать и физическое воздействие начальника на подчиненного. Как-то беседовал я с солдатами одной роты. Бойцы из второго взвода пожаловались на бытовые невзгоды.

Я вызвал к себе командира роты, пожилого капитана, и стал выяснять причины плохого устройства во втором взводе. Смутившийся капитан доложил:

— Взводом, товарищ генерал, командует мой сын, лейтенант. Совсем отбилась от рук мальчишка. Я уж сегодня утром согрешил, отвел его в сторонку, в кустарник, и по-отцовски надавал тумаков.

К июню против 13-й армии и нашего соседа слева немцы сосредоточили значительные силы. Тут были части 1-й бригады СС, 45, 88, 95, 383, 299-я пехотные дивизии и одно танковое соединение.

Противник перешел в наступление, нанося главный удар в направлении Воронежа. Каждый метр наших оборонительных рубежей простреливался неприятельским автоматным, ружейно-пулеметным, артиллерийским и минометным огнем. С воздуха непрерывно бомбили самолеты.

Но и противник нес огромные потери. Тем не менее ему удалось форсировать реку Тим, потеснить наш левый фланг и прорвать оборону в стыке с соседом, куда враг бросил большое количество танков и мотопехоты.

На остальных участках наши части держались стойко. Двенадцать дней мы отражали натиск озверевшего врага. В этом сражении солдаты и офицеры проявили исключительную храбрость, высокое воинское мастерство.

В первый же день боя замечательный подвиг совершила радистка Андреева. Девушка находилась в боевых порядках батальона и поддерживала радиосвязь с командиром полка. Батальон попал в окружение. Фашисты наседали на КП. Тогда радистка взяла винтовку и стала отстреливаться.

Скоро все товарищи Андреевой погибли. Но она продолжала сражаться. Последняя ее радиোগрамма гласила: «Нас окружили. Их много. Прощайте». Она была послана в эфир, когда гитлеровцы уже ворвались в блиндаж и пытались взять героиню в плен. Оставшейся гранатой Андреева взорвала себя и радиостанцию, а заодно уничтожила и нескольких фашистов.

К 10 июля в полосе обороны 13-й армии враг обессилел, его наступление в направлении Ливны — Елец провалилось.

В октябре в командование Брянским фронтом вступил генерал Рейтер. Это был очень интересный человек. Он до тонкостей знал солдатскую службу и часто лично показывал подчиненным, как надо правильно переползать, перебегать, перестраивать под огнем боевые порядки. Несмотря на почтенный возраст, генерал проделывал все это с легкостью молодого человека. Очевидно, то был результат постоянной физической тренировки.

Однажды мне пришлось наблюдать, как на проводившихся показных занятиях Рейтер с удивительной быстротой переползал по неровной местности, а за ним, выбиваясь из сил, обливаясь потом и все больше отставая, следовали молодые офицеры. С восхищением глядя тогда на генерала, я невольно подумал о том, как важно прививать военному человеку физическую культуру...

Холодным осенним утром 19 ноября 1942 года залпы советской артиллерии на берегах Среднего Дона, северо-западнее Сталинграда, возвестили о начале окончательного перелома в ходе Великой Отечественной войны. В могучее наступление двинулись войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. 23 ноября замкнулось кольцо окружения вокруг 330-тысячной группировки Паулюса.

24 ноября пошли в наступление войска Калининского фронта в районе Великих Лук и западнее Ржева. 16 декабря развернули крупную наступательную операцию на Среднем Дону Воронежский и Юго-Западный фронты. 22 декабря войсками Закавказского фронта началось освобождение Северного Кавказа и Ставрополя.

В течение ноября и декабря гитлеровцы понесли огромные потери в живой силе и технике, оставили тысячи оккупированных ими населенных пунктов. С радостными итогами вступала тогда Родина в новый, 1943 год.

1943 год

1943

Г О Д

В январе 1943 года отзвук начавшегося под Сталинградом мощного наступления советских войск докатился и до наших рубежей. 13-я армия готовилась к решительному наступлению.

В каждом соединении бойцы тренировались в умении вести ближний бой. Для тренировки были оборудованы учебные поля, воспроизводившие оборону противника с ее проволочными заграждениями, минными полями, траншеями и дзотами.

Созданные в каждой части штурмовые группы обучались блокированию и уничтожению дотов, дзотов и опорных пунктов врага. Танкисты учились преодолевать минные поля с помощью тралов. Артиллеристы занимались отработкой огневых задач. К этому времени плотность нашего артиллерийского огня стала весьма значительной.

По общему оперативному замыслу Ставки нам предстояло во

взаимодействии с войсками Воронежского фронта овладеть узловой станцией Касторная, после чего все силы повернуть на запад для выхода сначала на реку Тим, а затем на линию железной дороги Орел — Курск. Действовать приходилось в условиях суровой русской зимы, выюжной, студеной.

Последняя ночь перед наступлением была полна радостных событий. По радио передали известие о полном освобождении Воронежа. А потом мы услышали приказ Верховного Главнокомандующего, в котором объявлялась благодарность войскам нескольких фронтов за успешные боевые действия при разгроме врага под Сталинградом, на Дону, на Северном Кавказе, в районе Великих Лук и южнее Ладожского озера.

Волной прокатились по армии короткие митинги. Изданные политотделом листовки призывали бойцов показать в предстоящих наступательных боях образцы мужества и боевого мастерства.

В восемь часов утра 26 января гвардейские минометные части и артиллерия возвестили начало нашего наступления. Мощным огнем налетом вспыхивался передний край вражеской обороны между маленькими речками Олым и Кшень.

Когда дым от сплошных разрывов и снежная пыль рассеялись, на лежащих впереди высотах показались цепи атакующей советской пехоты и танки. Это и было начало прорыва наших войск в направлении Касторной.

На командном пункте 13-й армии для согласования действий с соседями присутствовал тогда представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал Антонов. Несмотря на естественное беспокойство за ход сложной операции, он позволял себе вмешиваться в руководство ею только в такой мере, какая вызывалась крайней необходимостью. Делал он это спокойно и корректно.

К генералу Антонову можно было обратиться за любым советом, и он всегда помогал нам, ничем не подчеркивая своего высокого положения. Это ободряло и облегчало работу.

Ломая упорное сопротивление противника, который много раз переходил в яростные контратаки, 13-я армия ликвидировала один за другим его опорные пункты. Особенно ожесточенный бой завязался на станции Касторная.

Гитлеровские солдаты, переполнявшие поезда, готовые к отправке на запад, открыли сильный огонь прямо из вагонов. Один эшелон попытался было уйти со станции, но это ему не удалось.

Маневрируя между вагонами, складами и железнодорожными сооружениями, наши танкисты истребили большое количество

солдат, офицеров и техники противника. Один только тяжелый танк, которым командовал старший лейтенант Загораев, уничтожил несколько орудий, тринадцать пулеметов, восемнадцать автомашин и десять повозок с боеприпасами.

Бой шел и на перроне вокзала и на железнодорожных путях. Многие составы горели. Исход этой ожесточенной схватки решили героизм и мастерство советских воинов. К двенадцати часам дня 28 января наши части совместно с частями Воронежского фронта полностью очистили Касторную от противника. На большом здании в центре города бойцы водрузили красное знамя.

В боях только за населенный пункт и станцию Касторная было захвачено до семи тысяч автомашин и свыше восьмисот вагонов со всякого рода военным имуществом. Но к освоению трофеев мы оказались тогда не совсем подготовленными. Не хватало, например, шоферов, чтобы увезти захваченные машины. Да и некогда было заниматься трофеями. Войска спешили на запад.

Дни стояли холодные. Попутный леденящий ветер пронизывал до костей. Однако солдаты не замечали холода. Их вела вперед священная ненависть к врагу и согревала любовь к Родине.

В быстром продвижении на запад большую роль сыграли лыжные батальоны. Они выполняли задачи передовых отрядов.

Наступая днем и ночью, в пургу и морозы, части 13-й армии вырвались к реке Тим, форсировали ее и устремились дальше.

В эти дни нас навелит писатель Илья Григорьевич Эренбург. Вскоре в газете «Красная звезда» появились его статьи, посвященные боям за Касторную. Выступал товарищ Эренбург и в нашей армейской газете. После отъезда связь писателя с армией не прервалась — он долго вел дружескую переписку с солдатами.

Особенно яростно противник оборонял город Колпны. Здесь пришлось драться за каждую улицу, за каждый дом. Сопротивлявшийся гарнизон в Колпнах был полностью уничтожен.

Затем наши части освободили города Щигры, Фатеж и перерезали железные и шоссейные дороги в направлении на Орел — Курск.

В те дни в один из жарких боев бессмертный подвиг совершил комсомолец сержант Григорий Кагамлык. Он и пятеро его товарищей находились в боевом охранении, когда вражеский лыжный батальон, усиленный семью танками, ринулся в атаку. Сержант бил из бронебойного ружья по танкам, а другие бойцы вели огонь из пулеметов и винтовок по лыжникам.

Гитлеровцы отпрянули, но потом опять возобновили атаку.

— Друзья, — обратился уже раненный Кагамлык к своим товарищам, — за эту землю, только сегодня утром вырванную у врагов, заплачено кровью. Разве мы можем отойти отсюда хоть на шаг?

Ему удалось поджечь головную машину. Но в это время вторая пуля ранила Кагамлыка в плечо.

Превозмогая страшную боль, он продолжал вести огонь и подбил еще один танк. Остальные повернули назад.

От тяжелых ран Кагамлык умер, но врага не пропустил. За этот подвиг ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Имя Григория Кагамлыка стало символом боевой доблести и отваги, а его могила — святыней нашей армии.

13-я армия шагала все дальше на запад. А навстречу шли освобожденные нами советские люди, и молодежь призывного возраста вливалась в армию. Новички скоро становились отличными солдатами. Им только нужно было ясно и доходчиво разъяснить смысл происходивших событий. Среди них оказывалось очень много пострадавших от немцев: у кого гитлеровские палачи расстреляли родных или угнали их в рабство, кого ограбили, над кем просто измывались.

И к общему пониманию дьявольского существа фашизма у таких людей присоединялась личная скорбь и обида.

Отличить новичков от ветеранов армии можно было только по крестьянским зипунам, в которых они участвовали в первых боях. Но как только им выдавали военное обмундирование, они окончательно сливались с основной солдатской массой.

Три месяца наступали наши войска на южном участке советско-германского фронта. Они продвинулись на запад более чем на семьсот километров и вышли в районы западнее Курска, Белгорода, Харькова и Ростова.

К середине марта 1943 года фронт почти прямой линией проходил с севера на юг — от Ленинграда до Таганрога. И только в районе Курска советские войска глубоко вклинились в расположение противника, создав так называемый Курский выступ. Линия фронта здесь имела форму огромной дуги.

Противник хорошо понимал значение Курского выступа, и в конце марта армии пришлось выдержать несколько яростных контрударов немцев.

Чтобы создать прочную оборону Курского выступа, советское командование решило подготовить несколько оборонительных рубежей общей глубиной до трехсот километров. Эти рубежи проходили от линии фронта на выступе до реки Дон в районе

Воронежа, а также севернее и южнее Воронежа.

Оборона Курского выступа была возложена на войска Центрального фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского и на войска Воронежского фронта под командованием генерала Н. Ф. Ватутина.

Н. П. Пухов с членом Военного совета армии М. А. Козловым на командном пункте.

В состав Центрального фронта вошла и 13-я армия. Мы занимали полосу в северном направлении по обе стороны железной дороги Орел — Курск с центром у станции Поныри. Справа от нас оборонялись соединения 48-й армии, слева — соединения 70-й армии.

В то время как Совинформбюро в течение трех месяцев неизменно сообщало, что «на фронте ничего существенного не произошло», у нас днем и ночью непрестанно велась работа по укреплению обороны и подготовке к наступлению.

Советское командование разгадывало замыслы врага, определяло характер ответных действий.

Тыл щедро давал фронту первоклассную боевую технику. Ратный труд воинов обеспечивался героическим трудом советских людей в тылу. Отвага и мужество солдат, их боевые подвиги дополнялись трудовыми подвигами рабочих, колхозников и интеллигенции.

В течение апреля — июня 13-я армия, занимавшая полосу шириной в тридцать два километра, создала мощную оборону на

глубину в тридцать километров с эшелонированным расположением сил и средств. Поле будущей битвы было обильно полито потом солдат, сержантов и офицеров.

Да иначе и быть не могло. Война во всех ее проявлениях— это не только мужество, храбрость, боевая выучка, творческая мысль военачальников, но и грандиозный труд, который невозможно регламентировать и подсчитать, труд, в котором участвуют миллионы людей.

Во время войны мне не раз приходилось убеждаться в том, что только трудолюбивые командиры, хорошо знающие свое дело, по-настоящему руководили войсками. Если у способного офицера или генерала не хватало любви к труду, он обязательно на чем-нибудь срывался.

На войне перед каждым командиром всегда стоит вопрос об его ответственности за выполнение поставленной старшим начальником задачи и за жизнь подчиненных ему людей. А такой вопрос нельзя решать без труда.

Упорным трудом не только укреплялась оборона, но и создавался элементарный жизненный уют для личного состава.

Траншеи и блиндажи на переднем крае оборудовали с присущей только нашему солдату домовитостью. Русский солдат умеет из ничего сделать умывальник, печурку с трубой, баню, сушилку для портянок. Он обязательно выберет подходящее место, где можно собраться с товарищами покурить, поговорить о близких людях, о своих солдатских думах и делах.

Одновременно с усовершенствованием оборонительных рубежей в войсках проводилась кропотливая политико-воспитательная работа. Наши агитаторы были пламенными выразителями великих и светлых идей и воли Коммунистической партии. Фронтовые, армейские, дивизионные газеты и боевые листки в подразделениях каждый день напоминали солдату и офицеру о его долге перед Родиной, рассказывали о том, что делается в тылу, воспитывали людей на ярких примерах мужества и отваги.

Широко и заслуженно популяризировались у нас братья Пешковы. Они пришли к нам с освобожденной территории и скоро стали умелыми солдатами. Листовки и газеты рассказывали о том, как братья Пешковы метким огнем уничтожали врага. Их пример был показателен для всех призывников.

В армии всячески развивалась и поощрялась солдатская самодеятельность. Плясуны, рассказчики и песенники пользовались большим почетом. Особенно нравились слушателям народные песни. Они напоминали солдату о самом дорогом — о

Родине, об отчете доме, о семье, пробуждали в его сердце высокие чувства и облегчали трудную ратную жизнь. Наши замечательные красноармейские ансамбли песней и зажигательной пляской согревали солдатские сердца.

По-прежнему большая работа проводилась в армии по устранению танкобоязни среди молодых солдат.

Мы знали, что в предстоящих битвах с врагом нам придется встретиться с новыми образцами бронетанковой техники противника — тяжелыми танками «тигр» и «пантера» и сверхтяжелыми самоходными орудиями «фердинанд», на которые гитлеровское командование возлагало большие надежды. Нужно было в живой, доходчивой форме убедить бойцов в том, что не так страшны эти «тигры» и «фердинанды», как их изображали гитлеровцы.

На специальных слетах бронебойщиков ветераны войны передавали свой боевой опыт молодым солдатам, учили их приемам борьбы с вражескими танками.

Летом 1943 года в районе Курского выступа развернулось грандиозное сражение, которое вошло в военную историю советского народа под названием Курской битвы.

Незадолго до наступления противника для проверки состояния обороны в 13-ю армию приезжал командующий войсками Центрального фронта генерал К. К. Рокоссовский. Он побывал на двух передовых наблюдательных пунктах, с которых изучал расположение наших войск и противника.

Один из этих наблюдательных пунктов севернее станции Поныри был устроен возле железнодорожного полотна в виде замаскированной площадки на трех растущих рядом высоких, но тонких деревьях. Когда по шаткой лестнице на эту площадку взошел товарищ Рокоссовский, я крайне обеспокоился за ее устойчивость и облегченно вздохнул, увидев его благополучно спустившимся на землю.

Второй наблюдательный пункт располагался на небольшой высоте у истока Оки, которая севернее протекает по территории моей родной Калужской области. Помню, взглянув на журчавший неподалеку ручеек, которым здесь начиналась эта могучая русская река, я мысленно перенесся в знакомые мне с детства места, вспомнил умершую там в 1941 году во время немецкой оккупации мать и невпопад ответил на какой-то вопрос, заданный командующим фронтом.

Несколькими днями позже генерал Рокоссовский проверял состояние обороны левофланговой 15-й Сивашской дивизии. В инженерном оборудовании оборонительной полосы были вскрыты

серьезные недочеты. Но времени для устранения их до начала наступления противника почти не оставалось, и за это дивизия поплатилась потом, не выдержав первого же сильного удара врага.

Рекогносцировка местности. Первый слева Н. П. Пухов.

Сто дней длилось грозное затишье на полях предстоящей грандиозной битвы.

В ночь с 4 на 5 июля на участке левофланговой дивизии наша засада истребила группу вражеских разведчиков, а неприятельского сапера, посланного для проделывания проходов в установленном нами минном поле, взяла в плен. Сапер показал, что 5 июля в два часа по берлинскому времени немцы перейдут в наступление.

Я срочно доложил об этом командующему фронтом.

По приказанию командующего одним коротким сигналом был приведен в действие давно известный артиллеристам план контрартподготовки. Тысячи орудий и минометов обрушили свой смертоносный огонь на скопления пехоты и танков врага, его артпозиции и штабы.

С опозданием на час против намеченного времени, ошеломленные и уже значительно ослабленные, бросились гитлеровские войска в атаку на наши укрепления. Мы встретили их новым шквалом губительного огня из всех видов оружия.

На нашем участке фронта враг направлял свой главный удар с севера на юг, вдоль железной дороги на станцию Поныри. Это было как раз то направление, на котором мы строили наиболее

прочную оборону.

Немецкие танки расстреливались огнем наших орудий, бронебойных ружей, танков, самоходок, сжигались бутылками с горючей жидкостью, поражались авиацией, рвались на минах.

Вражеская пехота отсекалась от танков и гибла под градом снарядов, мин и пуль или уничтожалась штыком в окопах.

Немецкие самолеты истреблялись нашей авиацией и зенитной артиллерией.

Через горы трупов своих солдат лезли фашисты вперед, но только в узкой полосе им удалось продвинуться на девять километров. Здесь нашли свой бесславный конец 2, 4, 9, 18 и 20-я танковые дивизии противника, его 6, 7, 86 и 292-я пехотные дивизии, а также 10-я и 31-я моторизованные дивизии, т. е. почти все, что составляло 9-ю армию генерал-полковника Моделя. Их перемололи доблестные советские войска под командованием Барина, Онуфриенко, Эльшина, Петрушина, Бондарева, Афонина, Мищенко, Игнатова, Казарьяна и других, а также соединения Галанина и танкисты Родина.

В упорной борьбе с врагом беззаветную отвагу и мужество проявили солдаты всех родов войск. От боевых частей не отставали службы снабжения и эвакуации.

Враг был не только остановлен, но и разбит. А у нас сохранились нетронутыми подготовленные в глубине обороны резервы.

12 июля на всем фронте было восстановлено первоначальное положение.

Вспоминая трудные дни битвы на Курской дуге, хочется поблагодарить маршала Рокоссовского за его спокойную распорядительность в этой операции.

У разных начальников, больших и малых, обращение с людьми бывает различное, выражение недовольства или одобрения проявляется по-разному. Товарищ Рокоссовский всегда был неизменно тактичным, корректным, независимо от обстановки. Даже во время самых тяжелых боев мы получали от него спокойную оценку действий и ободряющие указания.

Вечером на четвертые сутки боев К. К. Рокоссовский по телефону передал мне, что только сейчас говорил со Ставкой Верховного Главнокомандующего и там одобрительно отзывались о действиях 13-й армии. Это сообщение мы немедленно передали в войска. Оно наполнило радостью сердца солдат, вселило в них бодрость, вдохновило на новые подвиги.

За умелые действия во время битвы на Курской дуге 13-я армия наряду с другими активными участниками этих боев

получила благодарность в приказе Верховного Главнокомандующего.

Приказы Верховного Главнокомандующего товарища Сталина имели тогда важное значение. Солдаты, офицеры и генералы отличившихся соединений и частей воспринимали их как высокую награду. С глубоким волнением прослушивались они по радио и нашими близкими в тылу, всем советским народом.

Историческая битва на Курской дуге закончилась нашей победой. Уже много сказано и написано о славных, незабываемых делах тех дней. Но только участники и очевидцы этого грандиозного сражения знают, каким оно было жестоким и какой великий подвиг во имя Родины совершил тогда советский воин.

Я слышал, что где-то недалеко от станции Понеры установлен обелиск в память о погибших там саперах. Это хорошо. Но почему вспомнили только о саперах? Следовало бы в центре поля Курской битвы воздвигнуть величественный монумент в память о погибших в этом сражении пехотинцах, артиллеристах, танкистах, летчиках, саперах, связистах и всех тех, кто снабжал армию боеприпасами, кормил воинов, лечил их раны.

При воспоминании о Курской битве перед глазами вновь и вновь встает образ бесстрашного и искусного советского солдата. То наступая, то обороняясь, неутомимо преодолевал он громадные пространства, сокрушая все препятствия своим мужеством и трудолюбием. Тысячи раз глядел он в глаза смерти. Отдыхал только в госпитале, получив ранение, а выздоровев, снова шел на фронт, отыскивал родную часть и опять брался за оружие.

Днем и ночью, в зной и стужу шагал этот скромный безвестный герой с винтовкой или автоматом, пулеметом или бронебойным ружьем, такими же безотказными, как и он сам. С ним всегда была и неразлучная лопата, которой перекопаны горы земли.

Шел наш солдат всегда подтянутым, бодрым и веселым, с шутками, с прибаутками, с песней. И в бою не терялся. Выбыл из строя офицер или младший командир — он всегда готов заместить их. Остался в одиночестве — ищет соседа, к которому можно было бы присоединиться и вместе продолжать свой ратный труд. Этим и объяснялась живучесть наших мелких подразделений.

Некоторые зарубежные литераторы, силясь раскрыть источник храбрости советского воина, пытаются объяснить ее «загадочностью русской души», «азиатчиной», неприхотливостью

и тому подобной нелепостью. Но они забывают о главном — о том, что наш воин является гражданином социалистического государства, что он воспитан Коммунистической партией, что он глубоко понимает свой долг перед Родиной и всегда готов отдать за нее свою жизнь.

15 июля войска Центрального фронта перешли в контрнаступление и в тот же день, ломая сопротивление врага, миновали рубежи, которые до 5 июля отделяли нас от немцев.

Везде были видны следы недавней битвы.

Снаряды, мины и бомбы вспахали все пространство. Повсюду глубокие воронки, клочья колючей проволоки, срубленные и сломанные деревья.

Тысячи ног втоптали в землю посевы и траву. На месте сожженных отступавшими гитлеровцами деревень торчали только печные трубы.

Кругом все поломано, смято. И только вдаль, на пригорке, виднелись случайно не тронутые снарядами бесчисленные кресты немецкого кладбища. Многими тысячами таких могил заплатил враг за свою попытку опрокинуть нас на Курской дуге...

Путь 13-й армии лежал на Кромы. Нам предстояло участвовать в ликвидации плацдарма, образованного немцами под Орлом.

В Кромах в фашистском застенке погибло много советских людей. Мы обнаружили сотни трупов недалеко от тюремного здания. Гитлеровцы наспех расстреляли свои жертвы перед отступлением.

Между прочим, здесь, в Кромах, один из фашистских палачей пытался спрятаться в подвале, но его поймала наша связистка.

Тут хочется добрым словом помянуть работавших в действующей армии женщин — связисток, врачей, медицинских сестер, санитарок. Все они самоотверженно выполняли свой долг перед Родиной и заслуженно пользовались в войсках большим уважением.

В ходе дальнейших наступательных действий 13-я армия перегруппировалась с правого фланга Центрального фронта на его левый фланг и, продвигаясь вдоль южного берега реки Десна, захватила в районе города Короб небольшой плацдарм. Овладение этим плацдармом выходило за рамки обычного боевого эпизода. Тут был развенчан созданный немцами миф о неприступности их рубежей по Десне и Днепру.

В боях у города Короб на нашу сторону целиком перешел сформированный гитлеровцами батальон из обманутых ими военнопленных. Солдаты перебили всех бывших в батальоне

немецких офицеров и пришли к нам с оружием. В дальнейшем они храбро сражались против фашистских захватчиков и по заслугам были вновь приняты в нашу боевую семью.

18 сентября 13-я армия вышла на излучину Десны южнее Чернигова. Без уничтожения нависшей с севера черниговской группировки противника мы не могли наступать дальше на запад, а овладеть Черниговом было невозможно без форсирования Десны.

Немецкое командование придавало обороне Чернигова большое значение, так как город являлся крупным узлом железных и шоссейных дорог и представлял собой одну из опорных баз неприятельских войск, действовавших к востоку от Днепра.

В районе Чернигова оборонялись 57-й охранный полк противника, его 217-я пехотная и 8-я танковая дивизии, а также 1-я венгерская королевская легкая пехотная дивизия.

18 сентября с наступлением темноты первый эшелон советских войск начал с боем переправляться через Десну, используя различные подручные средства. В ход пошли плоты, найденные на берегу лодки, бревна, бочки и набитые сеном или соломой плащ-палатки.

Много инициативы, смекалки и изобретательности проявили саперы. Под прикрытием передовых отрядов они быстро соорудили паромы из плотов и понтонного парка, а потом возвели мост и без отдыха переправляли части на западный берег реки. При осложнениях же обстановки в районе переправ саперы сами их защищали, не прекращая основной работы.

Форсировавшие реку советские войска быстро организовались для удара по Чернигову, и утром 21 сентября части товарищей Нечаева и Петрушина во взаимодействии с подошедшими с северо-востока частями генералов Белова и Малеева очистили город от врага. В тот день генерал Рокоссовский вновь сообщил нам о положительной оценке действий 13-й армии, данной Ставкой Верховного Главнокомандования.

Н. П. Пухов на поле боя.

Дальше наш путь лежал к Днепру. Туда уже спешили со своими войсками генералы Людников, Бондарев.

Форсирование Днепра началось в ночь на 22 сентября. Картина этой переправы поистине незабываема. На лодках, паромах и плотах переправляли людей, орудия, пулеметы, боеприпасы. Все неудержимо стремилось на западный берег.

Первыми достигли того заветного берега разведчики—сержант Сухарев и младший сержант Лысанов. Они отыскиали места, удобные для высадки войск, добыли ценные сведения об обороне противника и вернулись обратно.

Когда началась переправа передовых отрядов, Сухарев и Лысанов чувствовали себя на Днепре подлинными хозяевами. Тридцать шесть часов без сна и отдыха работали отважные разведчики, быстро и бесшумно переправляя людей на правый берег. За этот подвиг им было присвоено звание Героя Советского Союза.

Гитлеровцы обнаружили переправу лишь после того, как целый наш полк закрепился на правом берегу. Все попытки врага сбросить советских солдат в реку ни к чему не привели.

Тут особо отличился артиллерист сержант Федор Семиглазов. Рано утром 22 сентября, когда его расчет только переправился через Днепр и занял отведенную ему позицию, двинулись в контратаку фашистские танки в сопровождении пехоты. Семиглазов немедленно открыл огонь и третьим снарядом подбил головную немецкую машину. Фашисты еще яростнее

стали атаковать отважных батарейцев. Их автоматчики поползли к огневым позициям, пытаясь с близкого расстояния расстрелять артиллеристов. Но Семиглазов и его боевые друзья умели постоять за себя.

Когда бой кончился, вокруг батареи лежали десятки фашистских трупов, горело двенадцать подбитых танков. Два из них уничтожил Герой Советского Союза Федор Семиглазов.

Сапер Якушин, удостоенный позже звания Героя Советского Союза, совершил под огнем артиллерии и авиации противника десятки рейсов через Днепр, переправляя людей, боевую технику и боеприпасы.

Партизан И. П. Сиводед на своей лодке перевез на правый берег Днепра несколько наших подразделений.

Не было тогда ни одного человека из местного населения, который не помогал бы нам.

26-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции мы праздновали на правом берегу Днепра.

Все с гордостью оглядывались на пройденный армией путь. Анализируя обстановку, сложившуюся на фронте, мы чувствовали охвативший гитлеровские войска глубочайший кризис, от которого фашистов не могли уже спасти ни сознательное затягивание войны с помощью всякого рода «неприступных валов», ни «тотальная» мобилизация.

В то же время Советская страна все более щедро обеспечивала армию и флот всем необходимым.

Наше праздничное настроение поднялось еще выше, когда по радио было сообщено об освобождении войсками 1-го Украинского фронта столицы Украины — города Киева.

По войскам прокатилась волна митингов. Боевой дух частей был высок как никогда.

С выходом на Припять в районе города Чернобыль 13-я армия была переподчинена командующему войсками 1-го Украинского фронта генералу Ватутину и стала действовать совместно с партизанами в Украинском Полесье.

19 ноября во взаимодействии с партизанскими отрядами товарища Сабурова мы освободили город Овруч.

Начиная от Днепра, нам все время сопутствовали партизаны. У нас установились прочные связи с такими видными деятелями партизанского движения, как Сабуров, Таратут, Федоров, Бегма. Партизанские штабы обстоятельно информировали нас о расположении противника, его укреплениях, численности отдельных немецких частей.

Все Полесье и район западнее Десны представляли собой настоящий партизанский край. Тут власть оккупантов была весьма относительной.

В Полесье не оказалось покоренного гитлеровцами населения. Женщины из деревень и сел постоянно поддерживали связь со своими мужьями и братьями, находившимися в партизанских отрядах, и снабжали их продовольствием. Подростки работали в качестве связных.

Человек, ведавший административными делами в деревне, формально назывался старостой, а фактически был настоящим председателем сельсовета. Вся его деятельность в первую очередь определялась интересами партизан, и он выполнял прежде всего указания руководителей партизанских отрядов.

На территории Украинского Полесья мы воочию убедились, какой грозной силой в борьбе с оккупантами стали партизаны, какой стойкостью и отвагой обладали советские люди, откликнувшиеся на призыв Коммунистической партии бить врага не только с фронта, но и с тыла.

Позже значительная часть партизан влилась в регулярные войска. Это были люди с очень ценными боевыми качествами. Многие из них стали прекрасными разведчиками, младшими командирами, пошли учиться на офицерские курсы.

В декабре войска генерала Ватутина почти на всем фронте отражали попытки врага вернуть утраченное им в Правобережной Украине положение. Контратакующей группировкой немцев командовал фельдмаршал Манштейн, который год назад был разбит при попытке пробиться к Сталинграду.

В этих боях наши солдаты проявили величайшую стойкость. С лучшей стороны показали себя и бойцы, призванные в армию с освобожденной территории Правобережной Украины. В памяти каждого из них еще свежи были страшные картины злодеяний гитлеровцев на оккупированной земле. И они сурово мстили врагу за кровь и слезы своих матерей, жен и детей.

Вспоминаются подвиги братьев Вересовских. Их было трое — Петр, Василий и Марк. В первом же бою больше десятка гитлеровцев нашли свою смерть на их штыках.

Однажды группа немецких танков прорвалась к окопу, который занимал сапер казах Абдула Усенов с товарищами.

Военный совет 13-й армии. Слева направо: генерал-майор М. А. Козлов, генерал-полковник Н. П. Пухов, генерал-майор Н. Г. Чернышев, генерал-лейтенант Г. К. Маландин.

Стреляя из противотанкового ружья и бросая связки гранат, Усенов подбил несколько танков. Но вот запас гранат кончился, ружье отказало. А вражеские танки все еще контратаковали наши позиции. Тогда Абдула Усенов метнул противотанковую мину. Ему удалось подбить еще одну машину, но и сам он погиб при этом. Усенову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Четыре вражеские контратаки отбила за день группа наших пулеметчиков во главе с коммунистом Переновым и комсомольцем Валко. Кипела в пулеметных кожухах вода, но Перенов и Валко держались стойко. Гитлеровцы бросили против них три самоходные пушки и бронемашину. Вражеский снаряд вывел из строя пулемет. Осколком ранило наводчика Валко. Тогда герои взялись за оставшиеся у них две противотанковые гранаты, и фашисты были остановлены.

Один из населенных пунктов противник атаковал несколько раз. Наш небольшой гарнизон, неся потери, постепенно таял. Последнюю вражескую атаку силой до батальона с несколькими танками фактически отбила лишь одна батарея зенитных орудий. Командовал ею молодой и храбрый лейтенант Василенко.

Читал я донесение об этом и вспоминал капитана Тушина из «Войны и мира», который в бою под Шенграбенем своими несколькими орудиями в течение дня сдерживал натиск

французов. А скольких таких командиров знает история Великой Отечественной войны!..

Попытки врага прорвать нашу оборону и вернуть Киев так ни к чему и не привели. Брошенные им в бой отборные танковые дивизии «Великая Германия», «Райх», «Адольф Гитлер» понесли громадные потери, но задачи своей не выполнили.

А 23 декабря войска генерала Ватутина сами перешли в наступление. 13-я армия действовала на правом фланге 1-го Украинского фронта.

В конце 1943 года получил новое назначение начальник штаба нашей армии генерал А. В. Петрушевский. Он служил в тринадцатой с начала ее сформирования и много сделал для боевого сплочения личного состава. На его место к нам прибыл генерал Г. К. Маландин. С этим отлично подготовленным, культурным генералом мне довелось работать до самого конца войны.

Несколько раньше Г. К. Маландина появился у нас и новый командующий артиллерией генерал Д. Д. Кубеев. Он заменил погибшего во время воздушного налета на город Короб генерала Панкова и также прослужил в 13-й армии вплоть до конца войны.

Постепенно в управлении армии сложился прекрасный боевой коллектив. Старейшим по сроку службы в этом коллективе и очень уважаемым товарищем был член Военного совета генерал М. А. Козлов. С ним я работал в 13-й армии четыре с половиной года и позднее всегда вспоминал его только добрым словом.

Исключительной скромностью и трудолюбием отличался второй член Военного совета Николай Григорьевич Чернышев. К сожалению, с ним мне пришлось поработать недолго. В 1946 году, помогая войскам в бытовом устройстве, он на самолете перелетал из одного гарнизона в другой. Самолет в воздухе обледенел и разбился. Вместе с экипажем погиб и генерал Чернышев. Мы похоронили его в Киеве, на холме близ Днепра.

1944 год

1944

Г О Д

Новый, 1944 год мы встречали в приподнятом настроении, развивая стремительное наступление на запад. На рассвете 1 января, ликвидировав предмостное укрепление врага на реке Случь, части генералов Кирюхина и Аникушкина ворвались в Новоград-Волынский. 3 января после упорных уличных боев они полностью очистили город от противника.

В местной типографии наши солдаты обнаружили отпечатанную в большом количестве фашистскую газетенку. В ней, помимо прочего, сообщалось, что положение на фронте не внушает никакого опасения, и господа немецкие офицеры приглашались в театр на новую постановку труппы, привезенной откуда-то из Германии...

Наступавшие советские войска проявляли невиданный героизм. Среди отличившихся в боях командиров соединений следует назвать генерал-майора Панкратова, дивизия которого

получила наименование «Новоград-Волынской».

Я помню Панкратова как скромного и очень храброго человека. В самом конце войны он погиб. Это было далеко за рубежами нашей страны, но похоронили его в Новоград-Волынском.

В 1947 году, будучи в том городе, я заходил на могилу генерала и долго стоял над ней, вспоминал события минувшей войны, восхищаясь и гордясь отвагой и воинским мастерством своих соратников.

Пробираясь через густые леса Волыни, прокладывая дороги по незамерзшим болотам, обходя или уничтожая узлы сопротивления противника, части генерала Иванова 11 января овладели городом Сарны.

Впереди, как всегда, шли коммунисты и комсомольцы.

Командир танковой роты старший лейтенант Бочкарев прорвался с ротой в тыл врага и в течение одного дня раздавил три противотанковых орудия, уничтожил «пантеру», два миномета и до взвода гитлеровцев.

Отличился и командир взвода лейтенант Магомедов. Он уничтожил два миномета, три пулеметных гнезда, две автомашины и загнал в ров фашистскую «пантеру».

Инициативно действовал младший лейтенант Солодилов. Захватив в плен фашиста и узнав от него, что в двух километрах движется неприятельская колонна, он стал преследовать отступавшего врага. Преследование удалось — колонна была настигнута. С ходу ворвавшись в нее, Солодилов разбил тридцать автомашин, много повозок и расстрелял не один десяток гитлеровцев.

Другую вражескую колонну разгромил стрелковый взвод под командованием Гречушкина. Вырвавшись далеко вперед, этот взвод перерезал противнику путь отхода. Оседлав шоссе, солдаты Гречушкина внезапно обстреляли из противотанковых ружей бронетранспортеры противника, перевозившие пехоту. Сначала загорелась головная машина. Потом были подбиты и другие. Спешенные гитлеровцы пытались спастись бегством, но тут вступили в дело наши автоматчики и всех их уничтожили.

В Новоград-Волынском и в Сарнах нас посетил Никита Сергеевич Хрущев. Он знакомился с состоянием освобожденных районов и тут же давал указания, что и как нужно делать на первых порах, чтобы нормализовать жизнь местного населения.

В освобожденных районах быстро восстанавливались партийные и советские органы, оживали промышленные

предприятия, разворачивались работы на полях. Сразу же вслед за войсками, а чаще даже вместе с ними на очищенную от оккупантов землю прибывали кадры партийных и советских работников. На месте они значительно пополнялись людьми из действовавших в данном районе партизан и тех, кто был оставлен в подполье при нашем отходе в начальный период войны.

Освобожденный народ с энтузиазмом брался за ликвидацию последствий оккупации.

В начале 1944 года стояли небывалые для зимних месяцев теплые дни. Шли дожди. Много неудобств стали доставлять солдатам валенки, которые в другую погоду спасали от холода. Но несмотря ни на что, в распутицу, по непролазной грязи, без дорог, по полям и лесам Западной Украины войска генералов Глухова, Кирюхина, Соколова и Баранова с боями продвигались вперед в направлении на Луцк — Ровно — Здолбунов. Эти города являлись важными узловыми пунктами, откуда шли дороги к государственной границе Советского Союза.

В лесах, за рекой Горынь, нам, как и прежде, помогали партизанские отряды товарищей Бегмы, Медведева и других.

В Ровно обосновал свою резиденцию обер-палач Кох. Здесь находился тот центр, из которого по всей Украине протянул свои нити фашистский паук, выкачивая из временно завоеванных областей народное добро. Здесь же были руководящие органы гестапо и СС, зверствовавшие на Украине. Отсюда расползались претенденты на лучшие украинские земли — новоявленные немецкие помещики.

В районе Луцк — Ровно — Здолбунов противник имел 7-ю танковую дивизию, 454-ю охранную дивизию и корпусную группу СС, 1-ю легкую пехотную дивизию венгров, несколько отдельных охранных и железнодорожных полков и батальонов. Кроме того, он мог использовать для маневра располагавшуюся в Дубно корпусную полицейскую группу «Прюцман». Но ничто не могло остановить стремительного продвижения советских армий.

В одном месте минометчики подполковника Молчанова отсекали вражеский пехотный батальон от самоходных пушек и полностью его перебили.

В другом месте пулеметчик Есмибеков, отражая вражескую контратаку, один истребил шестнадцать фашистов. А когда, несколько позже, небольшой группе гитлеровцев удалось вклиниться в наши боевые порядки, Есмибеков и Герой Советского Союза Амелин ударили по ним с тыла и тоже уничтожили.

Уже к исходу дня 1 февраля бои завязались на улицах Ровно

и Луцка. На следующее утро Луцк был очищен от противника, а вечером мы освободили и Ровно и Здолбунов.

13-я армия вышла на территорию хорошо известного в военной истории треугольника Ровно — Луцк — Дубно. В этом треугольнике во время гражданской войны действовала прославленная конница товарища Буденного. Отсюда же в первую мировую войну разворачивалось наступление русской армии.

На командном пункте 13-й армии. Слева направо: член Военного совета 1-го Украинского фронта К. В. Крайнюков, начальник политуправления 1-го Украинского фронта С. С. Шатилов, член Военного совета 1-го Украинского фронта Н. С. Хруцев и командующий 13-й армией Н. П. Пухов.

Среди нас нашлись товарищи, которые уже воевали в этих местах. Так, командир одного из соединений генерал Глухов служил в 1916 году в гвардейском полку, действовавшем недалеко от Луцка.

Политорганы учли всех ветеранов войны и организовали с ними встречи в десятках подразделений. Обычно каждый такой сбор начинался докладом о боевом пути части, а затем завязывалась оживленная беседа. Бывалые воины делились своими воспоминаниями о прошедших боях, давали ценные советы относительно техники передвижения на поле боя, приемов стрельбы на ходу, способов искусного метания гранат и т. д. Нередко рассказы сопровождались показом.

Однажды на таком сборе я встретил солдата, с которым в гражданскую войну мы воевали в одной дивизии. Это была неожиданная и радостная для нас обоих встреча.

В течение почти всего февраля армии пришлось вести жестокие бои за удержание Луцка. И снова благодаря железной стойкости и мужеству, отваге и выносливости советских воинов мы отстояли завоеванное.

Особенно отличились здесь бойцы и офицеры соединений генералов Глухова, Баранова, Соколова, Аникушкина и Пушкарева.

В эти дни бессмертный подвиг совершил пулеметчик Аркадий Комок. Подпустив контратакующих гитлеровцев на сто метров, он неожиданно обрушил на них меткий огонь. Контратака противника захлебнулась. Но через короткий промежуток времени враги стали обходить пулеметную точку с тыла. Сержант Комок развернул пулемет и снова ударил по ним.

Так повторялось несколько раз. Порой противнику удавалось подобраться почти вплотную. В сторону отважного пулеметчика летели гранаты. Но он держался по-прежнему стойко.

Наконец в пулеметной ленте осталось всего несколько патронов. Пулемет перешел на одиночные выстрелы. Потом он замолчал совсем. Сержант Комок взялся за гранаты, но был сражен гранатой противника.

В тот же день брат Аркадия — Александр Комок заменил его у пулемета.

Отважному пулеметчику Аркадию Комок посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его «максим» находится сейчас в Центральном музее Советской Армии в Москве как безмолвный, но вечный свидетель бессмертного подвига героя.

События на фронте разворачивались стремительно.

Генерал Ватутин уже провел, вероятно, на своей рабочей карте красную стрелу на Львов. И вдруг мы узнали о трагической гибели Николая Федоровича!..

В день смертельного ранения он приезжал в 13-ю армию в город Ровно для утверждения плана следующей операции. Окончив работу со мной, Ватутин поспешил к генералу Черняховскому. А через три часа нам стало известно о постигшей его беде.

В первые дни после ранения Николай Федорович находился в армейском госпитале в Ровно, и мне пришлось быть свидетелем его тяжелых страданий. Я часто навещался к нему, и всякий раз он принимался расспрашивать меня о положении на фронте.

На третий или четвертый день пребывания генерала Ватутина в Ровно самолеты противника небольшими группами прорвались

к городу и начали бомбежку. Опасаясь за жизнь генерала, я распорядился о немедленном оборудовании для него убежища. Но воспользоваться этим убежищем Ватутину не пришлось. Вскоре Николая Федоровича эвакуировали в Киев. Я провожал его несколько десятков километров и, расставаясь, никак не думал, что это последнее наше свидание.

На львовском направлении важным опорным пунктом противника был город Дубно. На западном берегу реки Иквы по линии высот и фортов старой крепости гитлеровцы создали прочную оборону и надеялись отсидеться здесь, оправиться от наших ударов.

17 марта в результате обходного маневра войска генералов Нечаева, Черокманова, Аникушкина и полковника Пушкарева овладели городом Дубно, разгромив полицейскую корпусную группу «Прюцман» и части 7-й танковой дивизии противника.

19 марта войска генерала Кирюхина при содействии летчиков генерала Красовского овладели другим сильным опорным пунктом — городом Кременец. Этот город был мощной естественной крепостью на хребте Кременецких гор, усиленной развитой сетью искусственных оборонительных сооружений.

Дальше нам предстояло очищать от врага подступы к городу Броды.

Вскоре успешные бои завязались у Берестечко. В этом районе до сих пор сохранились памятники, относящиеся к сражению 1651 года, когда Богдан Хмельницкий вел борьбу с польскими панами.

Наши части сломили сопротивление врага у местечка Верба, недалеко от которого противник имел хорошее аэродромное поле. Враг уходил из Почаева на Подкамень. Потом пал Радзивиллов (ныне Червоноармейск).

Левее под ударами войск генерала Черняховского противник отходил на Тарнополь.

Я всегда вел в армии жесточайшую борьбу с неправдивыми докладами. Но во время боев за город Броды у нас все же произошел такой случай.

Из донесений следовало, что в боях за город участвуют танковые и кавалерийские части. Я приехал на командный пункт одного начальника. Он с уверенностью доложил, что в Бродах полностью находится одно его соединение. Тогда я решил переговорить с командиром этого соединения, вызвал его к телефону и был удивлен очень хорошей слышимостью. Командир доложил, что удерживает Броды.

Положив трубку, я задумался: что-то уж слишком хорошая

слышимость! Снова вызвал к телефону командира соединения и спросил, где он находится. Оказалось — сидит в соседней хате. И когда я стал с пристрастием допрашивать его, какие же части сражаются в Бродах, выяснилось, что никаких частей там нет, а есть только две роты, да и то лишь на окраине города.

На рубеже перед Бродами, когда войска остановились, чтобы пополниться и привести себя в порядок, произошло у нас и еще одно тяжелое происшествие.

При проверке боевой готовности полков из-за несвоевременного выполнения моего приказа погиб начальник оперативного отдела армии полковник Гречихин.

Докладывая об итогах проверки, Гречихин отметил, между прочим, совершенную непригодность наблюдательного пункта командира одной части. Наблюдательный пункт был расположен на дереве, возвышавшемся над опушкой небольшой рощи. Я согласился с полковником и приказал командиру части найти другой пункт для наблюдения. А спустя примерно часа два Гречихин, находясь именно на этом наблюдательном пункте, попал под артиллерийский обстрел, был смертельно ранен в голову и тут же скончался. Похоронили мы его в городе Дубно.

В конце апреля бойцы получили новое летнее обмундирование. Это событие всегда бывает праздником для солдат.

Во время войны за потерю валенок или ботинок с солдата никто не взыскал бы, тем не менее они и теперь несли для смены на пункты сбора все, что осталось у них неизношенного. В этом простом, казалось бы, незначительном факте ярко проявлялись честность и дисциплинированность наших солдат.

В очень короткий срок мы пополнились. Быстрота, с какой пополнялась наша действующая армия для продолжения удара по врагу, была поистине изумительной.

Это объяснялось в первую очередь хорошо налаженной системой мобилизации призывных контингентов, их обучения и перевозки из глубины страны на фронт.

Немалую роль тут сыграли и наши госпитали, укомплектованные квалифицированным медицинским составом и оборудованные всем необходимым для лечения. Госпиталей у нас было много. Лечили раненых хорошо и возвращали их в строй в короткие сроки. Своим доблестным трудом наши медицинские работники много сделали для победы над врагом. Их долго будут помнить те, кому они спасли жизнь.

В мае, для ознакомления с войсками, в армию приехал новый командующий 1-м Украинским фронтом И. С. Конев. В подчинении маршала Конева, этого опытного, деятельного, требовательного и справедливого начальника, я находился до конца войны.

14 июля уже под его командованием мы перешли в наступление в общем направлении на Львов и прорвали оборону противника севернее и южнее города Броды.

Эта операция началась при несколько необычных обстоятельствах. Мы своевременно спланировали действия частей первого эшелона, артиллерийскую подготовку и атаку. Передовые батальоны должны были атаковать противника за день до выступления наших главных сил.

Но перед самым началом атаки мне позвонили по телефону из армии, действовавшей справа от нас, и сообщили, что на ее участке фронта противник начал отход. Я доложил об этом И. С. Коневу и приказал своим частям немедленно начать действия.

Противник не проявлял обычного упорства. Под ударами передовых батальонов он оставил свой первый оборонительный рубеж, а затем и второй. Я начал выдвижение главных сил армии, но с развертыванием их не торопился. Главные силы были введены в бой только на следующий день. И это имело очень важное значение для последующего хода операции. Врагу не удалось задержать нас на новом, заранее подготовленном рубеже южнее Горохова.

В этих боях наши воины еще раз продемонстрировали свою непреклонную волю к победе. Отовсюду с поля боя неслись вести о героических подвигах солдат, сержантов и офицеров, о славных делах целых подразделений и частей.

Только за шесть часов первого дня начавшегося наступления гвардейский батальон лейтенанта Федорова, прорвав линию вражеской обороны, продвинулся вперед на восемь километров и освободил три населенных пункта. Такими же искусными и отважными были действия многих других подразделений и частей, находившихся под командованием генералов Черокманова, Кирюхина и Пузикова.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта И. С. Конев и Н. П. Пухов наблюдают за ходом боя.

Противник не успевал развертывать свои арьергарды и заслоняться ими на промежуточных рубежах. Не удержался он и на реке Западный Буг. При форсировании этой реки особенно хорошо действовало гвардейское соединение генерала Онуприенко, овладевшее 20 июля городом Рава-Русская.

Южнее мы и соседние армии уничтожали гитлеровцев в образовавшемся «бродском котле». Там нашли свой конец неприятельские 340-я и 361-я пехотные дивизии, территориальная дивизия генерал-губернаторства, группа фон Радовица и другие вражеские соединения и части.

В глубине обороны противника нашим общевойсковым соединениям хорошо расчищали путь летчики генерала Красовского и танкисты генералов Рыбалко, Катукowa, Лелюшенко.

Вскоре войска 1-го Украинского фронта освободили город Львов, а затем Перемышль и Ярослав.

Рухнула оборона немцев на реке Сан. Наши войска углубились на территорию Польши.

Радостно встречало нас польское население. Первое знакомство обычно завязывалось со стариками — бывшими солдатами старой русской армии, хорошо говорившими по-русски. Некоторые из них надевали сохранившиеся георгиевские кресты и медали.

Советские бойцы с гордостью рассказывали полякам о своей стране и удивлялись бедности польских деревень.

От реки Сан мы устремились к Висле. Это крупнейшая из рек на территории Польши. Но она нас не пугала. Мы пришли на Вислу, имея за плечами опыт форсирования Десны, Днепра, Припяти, Западного Буга и Сана.

Первыми преодолели ее между Тарнобжегом и Баранувом стрелковые части Онуприенко, Вехина и Муратова. Вслед за ними на западный берег реки устремились танкисты Рыбалко и Катукова.

Нам некогда было дожидаться табельных переправочных средств. Вместо них мы использовали все, что только могло держаться на воде.

Форсирование Вислы проходило настолько стремительно, что в отдельных случаях на волнах реки одновременно качались и лодки отходившего врага и такие же лодки, а то и плоты наших авангардных подразделений. А стрелковая рота старшего лейтенанта Столбова сумела даже отбить у противника его переправочные средства и с помощью их первой высадилась на противоположный берег.

Тяжелые испытания выпали на долю этого подразделения. Обеспечивая переправу остальных рот батальона Героя Советского Союза майора Якушева, солдаты Столбова отбили за день семь вражеских контратак.

В сумерках на противоположный берег переправился еще один батальон. А в это время третий батальон того же полка продолжал вести бой на восточном берегу Вислы. Он форсировал реку только к полуночи. Тогда же были переправлены на западный берег и первые артиллерийские орудия.

Так было положено начало знаменитому сандомирскому плацдарму, который стал потом исходным пунктом для нового стремительного рывка наших войск вперед...

На второй день саперы приступили к строительству моста через Вислу. Военный инженер Ключников ходил по травянистым берегам реки, нащупывал подходящие спуски.

— Цо пан шука? — спросил стоявший на дамбе поляк.

Ключников не стал скрывать от него цель своих поисков.

— Дроги пан офицеже, — улыбнувшись, сказал поляк, — трудно было будовать мост от русского сердца до польского сердца, но и он построен, а мост за Вислу, проше пана, — в наших ренках.

Поляк сбежал с дамбы и, взяв длинный шест, указал на реке мостовую трассу, которая в свое время была изыскана еще

польскими инженерами.

Работа закипела. Поляк Ян Славинский работал рядом с русским воином Иваном Кашириным и другими неутомимыми тружениками войны.

Двое суток, не выходя из воды, трудились на строительстве переправ саперы под командой старшего лейтенанта Агафонова, лейтенантов Денисова и Затыкова, сержанта Ильичева. Строили под огнем врага. Стаи «мессершмиттов» и «фокке-вульфов» то и дело пикировали на переправы.

Сандомирский плацдарм достиг тридцати километров в ширину и двадцати пяти в глубину. Но невдалеке от переправ на восточном берегу Вислы все еще шли ожесточенные бои. Противник пытался ударом с севера и юга отрезать группу наших войск, прорвавшуюся за реку.

Большое количество вражеской пехоты и танков атаковало нас из районов Кольшубова, Грембува и Тарнобжега. Однако все эти попытки были тщетны. Ничто уже не могло больше удерживать нашего стремительного движения за Вислу. На сандомирском плацдарме закрепились стрелковые части Черокманова, Онуприенко, Пузикова, Вехина, Панкратова, Краснова, Муратова, Гладкова. Туда вышли войска Жадова, танкисты Рыбалко, Лелюшенко и Катукowa, артиллеристы Хусиды. Плацдарм надежно прикрывался с воздуха авиачастями генерала Красовского.

В эти дни на моем наблюдательном пункте в районе Иваниско почти все время находился И. С. Конев. Обзор отсюда был замечательный. Простым глазом мы наблюдали за происходившими внизу тяжелыми боями танками противника и ставили перед войсками огневые задачи. Иван Степанович — большой знаток артиллерийского дела; он хорошо помогал нам своими указаниями.

За форсирование Вислы и завоевание сандомирского плацдарма многие воины 13-й армии были удостоены звания Героя Советского Союза.

Это высокое звание получил отважный разведчик Соболев, который первым вышел на западный берег Вислы.

В почетном списке героев оказался и бесстрашный артиллерист гвардии старший сержант Ефимов. На щите его орудия красовалось семнадцать звезд — семнадцать танков истребил гвардейский расчет Ефимова.

Звания Героя Советского Союза были удостоены также гвардии старший сержант Филиппов и гвардии старшина Варав. В те дни расчет Филиппова подбил шесть танков, а всего на его

боевом счету числилось уже восемнадцать сожженных машин врага. Орудие же гвардии старшины Варава уничтожило двенадцать танков.

С артиллеристами состязались в мастерстве летчики, танкисты, пехотинцы, саперы, связисты. Во время этих напряженных боев взаимодействие всех родов войск было на редкость слаженным, что обеспечивало нам успех.

Усилиями всех родов войск были отбиты многочисленные попытки противника вернуть утраченное положение. Неоднократные контрудары его 72-й и 88-й пехотных дивизий, 97-й горно-стрелковой и 1-й егерской дивизий, 1, 3, 16, 17 и 23-й танковых дивизий мы отбивали с большими для них потерями.

Н. П. Пухов и командующий артиллерией 13-й армии генерал-лейтенант артиллерии Д. Д. Кубеев.

Кстати, хочется сказать, что наш солдат прекрасно понимал

значение каждого рода войск и хорошо знал, кто за что отвечает на войне.

Ехал я как-то ночью в передовые части и застал в лесу, на привале, направлявшийся тоже в сторону фронта стрелковый полк. Свернув в лесок и остановив машину на опушке, я невольно подслушал солдатскую дискуссию о том, кому выгоднее живется на войне.

Поблизости за деревом кто-то, очевидно растянувшись на траве, философствовал:

— Хорошо быть генералом — винтовку он не чистит, пешком не ходит. Неплохо солдатом-танкистом быть.

«Философу», перебивая друг друга, сразу ответило несколько голосов:

— Ты еще в боях не бывал, а судить берешься. Генерал за сколько людей отвечает — за тысячи, а это потяжелей, чем одному винтовки всего нашего взвода чистить или шагать в непролазной грязи и глубоком снегу. А у танкистов, артиллеристов, летчиков — у каждого свое тяжелое есть. Вот, например, подумай, как кому умирать в бою приходится. Наш брат — пехотинец — умирает на глазах у всего отделения или даже взвода, а ведь недаром говорится, что на миру и смерть красна. А ты представь, каково сгореть в стальной коробке танка или в кабине самолета. На войне, брат, всем тяжело, и сильны мы тем, что это тяжелое дело с одинаковым старанием выполняют и пехота, и артиллерия, и танкисты, и летчики. Вот побываешь в бою, тогда сам узнаешь, что к чему.

Я с любопытством и уважением вслушивался в эти разумные солдатские рассуждения.

На сандомирском плацдарме мы стояли около пяти месяцев. Это был период напряженной работы. Как и раньше во время перерыва в наступательных действиях, все трудились над укреплением обороны и готовились к следующему удару по врагу.

Недалеко от города Климентув в имении «Гурки», которое принадлежало ранее какому-то польскому графу, разместился центр нашей учебной и культурной жизни.

Здесь, в парке, были расставлены образцы различной боевой техники. Участники всех учебных сборов и совещаний осматривали их с большим интересом. Бойцы орудийных расчетов рассказывали о мощи огня орудий и минометов. Экипажи танков и самоходных установок демонстрировали приемы преодоления всевозможных препятствий. Все видели, какую замечательную технику вручила нам страна для нанесения

решающего удара по врагу за Вислой.

Рядом находились оборудованные поля с показательными участками обороны. В просторных залах графского дворца проводились собрания, лекции и доклады.

Резко тогда бросалось в глаза возросшее боевое мастерство наших командиров всех степеней. Они отлично обучали и воспитывали подчиненных. С удовольствием вспоминаю учения, которые проводились тогда генералами Красновым, Панкратовым, Пузиковым, Черокмановым, Червоним.

Учились все рода войск. Учились много, с увлечением. Особенно упорно отрабатывали вопросы взаимодействия.

На сандомирском плацдарме 13-я армия завершила богатый событиями 1944 год и вступила в новый, 1945-й — последний год Великой Отечественной войны.

1945 год

1945

Г О Д

Как известно, наши союзники попали в очень тяжелое положение в Арденнах. Чтобы облегчить их участь, Советская Армия поспешила нанести новые сокрушительные удары по врагу.

12 января 1945 года войска 1-го Украинского фронта начали наступление с сандомирского плацдарма.

Гитлеровское командование правильно оценивало значение этого плацдарма. Командующий 1-й танковой немецкой армией генерал-полковник Гайнец в своем приказе назвал его «пистолетом, направленным в затылок Германии».

Еще в конце 1944 года гитлеровцы призывали своих солдат «быть готовыми отразить удар русских, которые могут перейти в наступление в любой день и час». Все надежды они возлагали на прочность своей глубоко эшелонированной обороны, состоявшей

из нескольких полос.

Главная полоса обороны противника перед плацдармом состояла из трех позиций, плотно прикрытых минными полями. Населенные пункты были превращены в сильные опорные пункты, обильно насыщенные огневыми точками. На огневых позициях артиллерии и минометов имелись хорошо оборудованные блиндажи и щели.

Затем следовали новые оборонительные рубежи, главным образом по берегам рек Нида, Пилица, Варта, Просна и Одер.

При нанесении удара с сандомирского плацдарма погода не позволила нам применить авиацию. Но артиллерия и минометы работали безукоризненно. За мощным огневым валом артиллерии наша пехота и танки быстро достигли окопов врага и не встретили там большого сопротивления. Доты, дзоты, блиндажи и даже ходы сообщения — все было разрушено. Оставшиеся в живых неприятельские солдаты долго не могли прийти в себя от пережитого ужаса. Один из них, Рудольф Янцен, оказавшись в плену, заявил на допросе:

— От артиллерийского огня наш полк потерял не меньше половины личного состава. За всю войну я никогда не переживал такого адского огня. Творилось что-то неописуемое.

Ошеломляющее впечатление произвел этот удар и на офицеров, генералов, штабы противника. Они тоже не сразу собрались с духом и пытались нанести контрудар лишь по выходе наших войск в район Кельце. На подступах к этому городу разгорелись тяжелые бои.

Героический подвиг совершил здесь гвардеец-бронбойщик старший сержант Максим Некашев. Он подбил несколько немецких танков.

Как всегда отважно дрались артиллеристы. Против батареи тяжелых самоходных орудий, которой командовал гвардии старший лейтенант Ковалев, противник бросил десять танков. Ковалев смело вступил с ними в бой и первыми же выстрелами поджег пять боевых машин противника. Остальные повернули назад.

15 января усилиями соседних общевойсковых соединений, действовавших справа от нас, и танкистов Лелюшенко город Кельце был очищен от врага. 18 января наши войска заняли город Пиотрков.

В освобожденных нами городах повсюду развевались бело-красные польские национальные флаги. Добровольцы поляки становились нашими проводниками и регулировщиками движения на прифронтовых дорогах.

Но вот и Польша осталась позади. Советские войска вступили на немецкую землю.

Страна, посеявшая ветер, трепетала перед приближавшейся бурей.

Перед нами была Силезия — одна из жизненно важных областей Германии, второй (после Рура) угольный и металлургический центр страны.

В свое время гитлеровцы хвастливо кричали о мощном Силезском вале. Бывшая немецко-польская граница в полосе нашего наступления по берегу реки Варта была изрыта противотанковыми рвами и траншеями. Противник спешно подбрасывал сюда резервы из внутренних областей страны.

Однако наши войска опередили их и с ходу завязали бой в немецком пограничном городе Гросс-Вартенберг.

Спешно подброшенные полки и батальоны противника были разгромлены и покатались назад — к Одеру.

По асфальтированным дорогам шли бесконечные колонны советских войск. Неутомимые связисты торопливо подвешивали провода, цепляя их за ветки придорожных деревьев, за сохранившиеся столбы.

Улицы городов и деревень были пустынные. Запуганное гитлеровской пропагандой население в панике бежало на запад. Бежало настолько торопливо, что кое-где в домах еще горел невыключенный электрический свет и работали радиоприемники. Во дворах стояли повозки, нагруженные имуществом. В хлевах мычали оставленные коровы. На улицах валялись оброненные при бегстве чемоданы.

Немецкие деревни, как и дома, похожи друг на друга. Когда приходилось беседовать с солдатами об этом, разговор всегда заканчивался фразой: «В нашей Орловской области куда лучше».

Немецкий лес нашим солдатам тоже не приглянулся. Там все чрезвычайно прилизано, а деревья даже пронумерованы. И почти везде — одна сосна. Редко встречается милая сердцу русского человека березка.

Через некоторое время мы взяли Трахтенберг — один из тех городов, которые фашисты воспевали как неприступные города-стражи.

25 января подошли к берегам Одера. О неприступности рубежа на этой реке гитлеровцы тоже очень много кричали. И действительно, как потом оказалось, там были подготовлены прочные оборонительные сооружения. Именно в этом месте проходила укрепленная линия, названная врагом «Восточный вал».

Еще до войны на западном берегу Одера немцы соорудили

долговременные огневые точки из бетона и стали. На каждый километр фронта приходилось по четыре — пять капониров и полукапониров. Из них простреливались дву- и трехслойным огнем вся поверхность реки и ее восточный берег.

Ширина Одера местами достигала пятисот метров. Течение там быстрое. У города Штейнау река не замерзала, только у берегов образовывалась тонкая полоска льда. Но местами все же намерзали непрочные торосистые поля, связывавшие оба берега.

И. С. Конев собрал нас — старших командиров — на восточном берегу Одера и поставил задачу. В тот же день я начал подготовительную работу со своими подчиненными. Правда, эта работа не отличалась той методичностью, с какой готовилась операция на сандомирском плацдарме. Надо было спешно провести перегруппировку и немедленно продолжать наше движение вперед.

В тесном взаимодействии с танкистами товарища Лелюшенко мы форсировали реку Одер севернее и южнее Штейнау.

На северном участке действовали гвардейцы полковника Волковича, переправлявшиеся на бревнах, досках, лодках и паромех. На южном участке гвардейцы полковника Иванова переправлялись через реку по непрочным ледяным дорожкам, усиленным настилом из досок.

Ветераны Отечественной войны, участники форсирования Днепра, Сана и Вислы, солдаты Форин и Кобелецкий, маневрируя среди льдин на утлой лодке, первыми достигли противоположного берега.

Батальон капитана Полищука подошел к реке вечером. Демонстрацией ложной переправы командир отвлек силы противника от намеченного им действительного места переправы и под покровом ночи незаметно перебросил роты через реку.

Большую помощь батальону оказала батарея, которой командовал старший лейтенант Пешков. Под сильным огнем противника артиллеристы по непрочному льду, часто проваливаясь в холодную воду, перетаскивали орудия и боеприпасы через реку на руках.

В первом же бою за Одером батарея сожгла пять вражеских бронетранспортеров и уничтожила несколько пулеметов с их расчетами.

Много потрудились саперы. Саперная рота капитана Курочкина подошла к реке вместе с передовыми подразделениями. В вечерних сумерках она приступила к наводке временного штурмового моста, по которому уже через два часа прошли первые стрелки, бронебойщики, пулеметчики. Работая под бомбежкой, под непрерывным обстрелом врага, в ледяной

воде, без сна и отдыха, саперы прекрасно выполнили свой долг и своевременно навели переправы.

Плацдарм за Одером укреплялся и расширялся. Но противник держался еще в крепостном городе Штейнау.

Железнодорожный и шоссейный мосты через Одер у Штейнау немцы взорвали, и проникнуть с востока в город оказалось невозможно, а на южной и юго-западной окраинах его находились сильные укрепления. Там было свыше шестидесяти дотов. Часть их располагалась прямо на улицах города и на территории завода. Во многих зданиях были огневые точки.

Гарнизон имел в своем распоряжении тридцать танков и самоходных орудий, семнадцать бронетранспортеров. Незадолго до подхода наших частей сюда прибыла дрезденская унтер-офицерская школа.

Н. П. Пухов среди колхозников-земляков.

Штейнау пришлось брать штурмом. Противник оборонялся отчаянно. Советские штурмовые группы, усиленные танками и артиллерией, очищали дом за домом.

К вечеру 31 января в городе оставался только один сильный очаг сопротивления — в районе старинного монастыря. Здесь за двухметровыми стенами и в подвальных помещениях засели остатки вражеского гарнизона. Пришлось под главное здание монастыря заложить целую грузовую машину взрывчатки. В дыму взрыва мелькнул наконец белый флаг — знак полной капитуляции.

В подвале монастыря мы увидели сотни раненых. А всего в

боях за Штейнау противник потерял около двух с половиной тысяч человек убитыми и ранеными да шестьсот человек пленными.

Так пала одна из сильных немецких крепостей на Одере.

Стремясь сорвать нашу переправу через Одер, гитлеровцы спустили воду из одного водохранилища в его верховьях. Река вздулась, начался ледоход. Льдины сносили наведенные нами мосты, выворачивали сваи, ломали устои. Но все это саперы быстро восстанавливали снова.

Войска, закрепившиеся на плацдарме, не раз подвергались ожесточенным контратакам противника, который старался во что бы то ни стало сбросить нас в реку. Тут действовали танковая дивизия «Герман Геринг», моторизованная дивизия «Бранденбург» и несколько других соединений и боевых групп врага.

Но наши войска держались мужественно. День и ночь горели вражеские танки. Быстро таяли резервы противника. Завоеванный за Одером плацдарм был удержан и расширен.

А севернее нас в эти же дни вышли на Одер и форсировали его войска 1-го Белорусского фронта. Восточный вал рухнул и там. Советские воины повсюду преодолели Одер, названный гитлеровцами «рекой судьбы Германии».

За успешные наступательные действия с сандомирского плацдарма и завоевание плацдарма на Одере многие части и соединения 13-й армии, а также отдельные солдаты, сержанты, офицеры и генералы вновь получили высокие награды.

Тут не могу не сказать, что предоставленное командирам соединений и частей право награждать подчиненных орденами и медалями от имени Президиума Верховного Совета СССР имело большую практическую целесообразность. Воспитательное значение награды, выданной в бою немедленно по совершении подвига, возрастает во много раз. Наши командиры отлично понимали это и предоставленное им право награждения подчиненных использовали разумно и справедливо.

Очень скоро плацдарм на Одере стал исходным для последующих наступательных действий, которые закончились нашим выходом на реку Нейсе.

Разгорелась непрерывная цепь боев за овладение городами Примкенау, Шпроттау, Заган, Форст.

Вне населенных пунктов приходилось действовать в лесистой местности, двигаться по узким дорогам. Гитлеровцы часто устраивали здесь завалы, оставляли засады. На обочинах дорог наших танкистов обычно поджидали вражеские фаустпатронщики.

Сильное сопротивление противник оказал на рубежах рек Бобер и Чарна. С городом Бенау на реке Бобер пришлось возиться около трех суток.

За Одером значительная часть населения оставалась на местах. Здесь же мы увидели встречный поток немцев, бежавших с территории, занятой нами ранее. Теперь они возвращались назад, везя свой скарб на ручных тележках.

Фашистская Германия разваливалась с поразительной быстротой. Никто уже не пытался отстаивать ее. Наспех сформированные из стариков и подростков отряды «фольксштурмовцев» обычно боя не выдерживали и быстро разбегались. Чувствовалось, что немецкий народ не считает защиту гитлеровского режима своим кровным делом и если кое-что еще делает, то только из-под палки или по инерции.

На пути наступающей Советской Армии встречались немалые материальные ценности. Но наши солдаты нигде не запятнали себя «барахольством». Чаще приходилось наблюдать другое — как они кормили голодавших немецких детей и женщин.

Бежавшие гроссбауэры бросили в своих поместьях целые стада коров. Голодная и недоеная скотина оглашала окрестности страшным ревом. Для ухода за нею на первых порах пришлось привлечь солдат, пришедших в армию из колхозов. И надо было видеть, с каким старанием они занимались этим!

Фашистская Германия была подлинным тюремным застенком. В городе Заган, например, наши войска освободили из концентрационного лагеря тысячи заключенных военнопленных. Там томились и подвергались страшным истязаниям русские, украинцы, белорусы, англичане, американцы, французы. В лагерных бараках живые еще люди лежали рядом с разлагающимися трупами своих товарищей, умерших от голода и нечеловеческих пыток.

Невдалеке от лагеря на лесной поляне имелось кладбище. На нем было похоронено не менее девяти тысяч жертв фашистского террора — преимущественно советских военнопленных.

Продвижение наших войск становилось все стремительнее. Темпы нарастали день ото дня.

На аэродромах у Шпроттау и Загана нам достались вполне исправные немецкие самолеты. На одном из заводов наши солдаты обнаружили много новеньких артиллерийских орудий и минометов. Остатки гитлеровской армии не успевали уничтожать даже то, что могло быть использовано нами в последующих боях.

Мой командный пункт находился в это время в Хольбау. Этот город расположен в нескольких часах езды от Буслау, где

похоронено сердце М. И. Кутузова. От 13-й армии туда ездила делегация, которую возглавлял генерал Г. К. Маландин. Делегаты возложили венок на могилу великого русского полководца.

А 16 апреля мы вышли уже к реке Нейсе. Чтобы передохнуть и подготовиться к следующему удару, заняли оборону по ее восточному берегу.

Река эта неширокая, но быстрая. Она течет через большие лесные массивы. Берега ее на случай разлива укреплены земляными дамбами.

С рубежа Нейсе войскам маршала Конева во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом надлежало нанести удар по врагу, защищавшему Берлин. К местам переправ мы заблаговременно подвезли большое количество лодок и незаметно сосредоточили их на берегу.

Перед самым прорывом немецкой обороны на реке Нейсе на мой наблюдательный пункт прибыл маршал И. С. Конев. Минут за пятнадцать до начала артиллерийской подготовки мы с ним вошли в блиндаж, находившийся на берегу реки в лесу. В последний раз сели мы за стереотрубы, и вдруг вражеская пуля скользнула по стереотрубе маршала. Иван Степанович сделал вид, будто даже и не заметил этого. Я невольно позавидовал его выдержке.

Утро было свежее, тихое. Над рекой стоял туман. Но скоро тишину прорезал мощный гул тысяч снарядов и мин.

Берега Нейсе песчаные, и с первых же выстрелов поднялась страшная пыль. Когда наша пехота пошла в атаку, над западным берегом реки стояла сплошная желтая пелена. Но вот сильный порыв ветра рассеял ее, и среди густых деревьев на противоположном берегу я увидел стремительно бежавших вперед советских солдат и офицеров. Не знаю, в который раз за время войны я вздохнул с облегчением, поняв, что атака удалась.

Замечательно действовал при прорыве вражеской обороны гвардейский батальон майора Федорова. Солдаты этого батальона первыми ворвались в неприятельские траншеи и вступили в рукопашную схватку. Рядовой Таран уничтожил трех вражеских солдат и одного захватил в плен. Старшина Батайкин захватил в плен пять человек, сержант Данько — трех.

Теперь войска устремились к Шпрее. Двигались без отдыха, днем и ночью, через сплошные лесные массивы, в облаках густого едкого дыма от лесных пожаров. Постоянно происходили стычки с засадами врагов.

Наши подвижные передовые отряды успешно громили вражеские арьергарды. Только за два дня боев часть самоходной артиллерии подполковника Турганова, действуя вместе с пехотой,

уничтожила до двадцати танков противника, тридцать шесть бронетранспортеров и много другой техники.

Экипаж самоходного орудия, которым командовал лейтенант Пика, уничтожил «тигра», два орудия и минометную батарею. Командир этого орудия, будучи ранен, не ушел с поля боя.

На Шпрее гитлеровцы взорвали мост и плотину, но это не остановило советских воинов. По обломкам досок, по кускам взорванного бетона, на плечах отступавшего врага первыми на западный берег реки переправились части Онуприенко и Краснова. Не помогли противнику и многочисленные контратаки.

На западном берегу Шпрее мы окружили значительные группировки гитлеровцев, отходивших под давлением наших соседей от Коттбуса и Шпремберга. Обреченные на неизбежный разгром, они с тупой настойчивостью метались по лесам целыми колоннами. В этих боях много немецких солдат погибло совершенно напрасно.

Юго-восточнее столицы Германии искусным маневром наши войска создали несколько новых «котлов». В течение восьми дней силами двух фронтов (1-го Украинского и 1-го Белорусского) там была ликвидирована еще одна крупная группировка противника в сто семьдесят тысяч человек.

В этих боях гитлеровские генералы, отбросив всякую предосторожность, управляли войсками по радио открытым текстом. По их переговорам мы легко определяли положение противника.

Помню, в одной перехваченной радиোগрамме было сказано без всяких обиняков: «Нас избивают». И действительно, сопротивлявшихся гитлеровцев «избивали» или брали в плен решительно все: пехотинцы, танкисты, артиллеристы, саперы и даже девушки-связистки.

Накануне 1-го Мая, явившись с докладом к маршалу Коневу, я стал свидетелем его телефонной беседы со Ставкой о начале переговоров по поводу капитуляции Берлина.

Берлин пал 2 мая, а 8 числа представители немецкого командования подписали акт о безоговорочной капитуляции. Сотни тысяч гитлеровских солдат и офицеров начали организованно складывать оружие.

Но большая группа неприятельских войск, находившаяся в Чехословакии, уклонялась от капитуляции, угрожала разрушением Праги и новыми человеческими жертвами. Войска 1-го Украинского фронта поспешили на помощь чехословацким братьям.

Требовалось переправиться через Эльбу с тем, чтобы выйти

западнее Праги и перерезать противнику пути отхода. Это была по сути дела последняя боевая задача, и войска с величайшим энтузиазмом приступили к ее выполнению.

Противник оказал слабое сопротивление.

В тот период за день мы делали переходы по пятьдесят—шестьдесят и даже по семьдесят километров. По пути в Торгау видели французские бастионы 1813 года, которыми Наполеон пытался прикрыться от наступавших на Париж русских войск.

На перевалах через Судетские горы вспыхивали небольшие бои, а по дорогам западнее Праги мы все время натывались на отходившие колонны противника и в громадном количестве брали их в плен. Всех нас, от солдата до маршала, буквально мучил тогда один вопрос: куда девать пленных? Их надо было кормить, а запасов для этого мы не имели. Лагерья военнопленных повсюду оказались переполненными.

Помню, по дороге из Карловых Вар на Прагу шла многочисленная колонна пленных под командой какого-то немецкого генерал-полковника. Конвоировалась она «символически» — всего пятнадцатью или двадцатью советскими солдатами, которые расселись на крыльях нескольких трофейных грузовых машин и беспечно покуривали. Первоначально эта колонна направлялась в плен к американцам, а потом вдруг генерал передумал и повел ее в нашу сторону, попросив у начальника гарнизона Карловых Вар выделить для сопровождения именно «символический» конвой.

9 мая войска 1-го Украинского фронта освободили от немецких захватчиков столицу Чехословакии. Но отдельные бои местного значения продолжались и после 9 мая, примерно до 14 числа. Некоторые небольшие дезориентированные группы немецких войск кое-где еще пытались оказывать сопротивление, хотя оно и было безнадежным.

В середине мая (числа точно не помню) наши танкисты поймали изменника Родины Власова, пытавшегося с несколькими приближенными лицами пробраться в американскую зону. Его доставили в распоряжение моего штаба.

Дня через два Власов был отправлен на самолете в Москву, а затем по приговору суда повешен. Другого конца этот предатель и ждать не мог, Собаке — собачья смерть.

Годы Великой Отечественной войны против фашистской Германии народ наш справедливо называет годами испытаний. Испытания эти были очень тяжелыми, но под руководством Коммунистической партии мы блестяще выдержали их.

В ходе войны в полную силу проявилась исполинская сила

Советского Союза, превосходство нашего государственного и общественного строя, могущество Вооруженных Сил страны социализма.

В жестоких сражениях за честь, свободу и независимость нашей Родины героическая Советская Армия покрыла себя бессмертной славой. Эта слава осеняет каждого советского воина.

От души хочется поблагодарить матерей наших доблестных советских солдат за то, что они их родили и воспитали, и за то, что во время войны стойко переносили свое материнское горе. Выполняя ратный долг перед Родиной, все мы — от рядового бойца до маршала — бережно хранили в сердцах память о своих матерях.

*Парад Победы в Москве на Красной площади 24 июня 1945 года.
Слева направо: генерал-полковник Н. П. Пухов, генерал-полковник
авиации С. А. Красовский, полковник А. И. Покрышкин, генерал-
майор Г. В. Бакланов.*

24 июня состоялся незабываемый парад Победы на Красной площади в Москве.

Перед Мавзолеем выстроились представители всех фронтов. У каждого соединения была своя славная история: кто воевал в тяжелых условиях севера, кто выдержал блокаду Ленинграда и гнал потом гитлеровцев от города-героя, кто заслонял с запада Москву, кто сражался на просторах Украины.

А через несколько дней я снова был в самолете. Приземлился на аэродроме в Бреслау и оттуда догнал свою армию, маршировавшую на восток — к родной земле.

Эти воспоминания я заканчиваю с глубочайшей признательностью и благодарностью всем солдатам, сержантам, офицерам и генералам — моим соратникам по Великой Отечественной войне.

Сейчас большинство из них трудится на различных участках хозяйственной жизни страны. И я уверен, что они это делают с такой же доблестью, с какой воевали.

